

Е. А. Алексеевко

Домашние покровители у кетов

Основу религиозных представлений кетов к концу XIX—началу XX в. составляли древние верования, хотя официально они считались обращенными в христианство. Для кетов характерно одновременное существование и сложное переплетение различных по времени возникновения и характеру верований и обрядов. Будучи разными по происхождению, они служили нередко одной и той же конкретной цели. Обрядовая сторона более древних представлений сохранялась при их смысловом изменении.

Верования отразили хозяйственные и социальные условия жизни народа, бессилие человека перед явлениями окружающей природы, болезнью, смертью и т. д.

В настоящей статье рассматриваются старинные представления кетов о домашних покровителях и охранителях, уходящие в глубокую древность и наиболее долго сохранявшиеся в виде пережитков.

Эти вопросы в научной литературе освещены очень слабо. Первые (до недавнего времени единственные) опубликованные материалы были собраны В. И. Анучиным в 1905—1908 гг.¹ В. И. Анучин был и первым собирателем для МАЭ изображений домашних покровителей (колл. № 1048). В дальнейшем материал музея пополнился коллекциями И. М. Суслова (1914 г.), Н. К. Каргера (1928 г.), Б. О. Долгих (1948 г.).² За последнее десятилетие поступил новый материал (полевые записи и иллюстрации), собранный у кетов участниками Туруханского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР.³ Наиболее полная публикация материала по домашним покровителям у кетов (из собраний МАЭ и других музеев страны) осуществлена С. В. Ивановым в его монографии о скульптуре сибирских народов.⁴

Главной семейной и родовой святыней кетов был огонь (*боқ*), считавшийся женским существом.⁵ В преданиях огонь иногда называли

¹ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. СМАЭ, 1914, т. 2, вып. 2.

² Собранные этими исследователями предметные материалы составили коллекции №№ 2355, 4034, 4919.

³ Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 2, №№ 551, 561, 562 и др.; Е. А. Алексеевко. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967, стр. 179—182. — Иллюстративный материал см. в коллекциях (№№ И-1706, И-1875, И-1876, И-1993, И-1994).

⁴ С. В. Иванов. Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970, стр. 127—133.

⁵ Слово *боқ* относится к женскому именному классу (Е. А. Крейнович. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. ВЯ, 1961, № 2, стр. 116). — Пользуюсь случаем выразить свою признательность Е. А. Крейновичу, собравшему по моей просьбе ценные сведения, которые использованы в настоящей статье.

также «мать-огонь» (*божам; ам — мать*).⁶ Ему приписывались такие человеческие свойства, как способность чувствовать голод, боль, сердиться или быть довольным. В связи с этим существовал ряд тщательно соблюдавшихся предписаний по отношению к огню. Его кормили, бросая в костер кусочки хлеба, сахара, мяса, жир, выливая мясной или рыбный бульон. Особенно тщательно этот обычай соблюдался перед началом промысла, при первом улове рыбы, первой добыче крупных животных (медведя, дикого оленя, лося). Пищу бросали в огонь при начале перекочевки и постройке жилища (чума, землянки),⁷ попадая на местожительства предков, при стихийных явлениях (сильном ветре, дожде) и т. д.

Сразу после установки основных шестов каркаса жилища, не дожидаясь его полного оборудования, устраивали кострище, отгороженное поленьями. Поленья в кострище укладывали непременно паискосок, так как считалось, что огню от поперечно положенных поленьев будет также плохо, как человеку от застрявшей в горле кости. Запрещалось бросать в огонь мусор, сжигать «нечистые» предметы (например, берестяные подстилки жилища, по которым ходили женщины, считавшиеся «нечистыми» с момента появления менструаций и до их прекращения). Не разрешалось прикасаться к огню ножом, палкой или каким-либо другим острым предметом, чтобы не сделать ему больно.

Кеты наделяли огонь способностью предсказывать результат промысла, указывать лучший путь охотнику, извещать о неожиданном событии и т. д. Для этого прислушивались к характеру треска поленьев в костре, замечали время и направление вылетевшей искры, уголька.

Представлением о способности огня освобождать человека от коснувшейся его «нечистоты», «сглаза», болезни объясняется обычай «очищения» себя, имущества, помещения тлеющим клочком оленьей шерсти или подожженной берестой. Перед началом промысла окуривали снаряжение и одежду охотника, а нарту протаскивали через разведенный костер; женщина после родов очищала окуриванием все имущество в жилище, а после менструаций — свою одежду и постельные принадлежности. Все участники похоронной процессии, возвращаясь после захоронения, обязательно перешагивали через огонь и окуривали себя зажженной берестой. Огонь выступал в роли охранителя и защитника семьи от всего, что могло угрожать ее благополучию. Закричала ли в ночи птица, которую кеты принимали за злого духа, разыгралась ли непогода, пугал ли собак бродящий поблизости медведь — всегда, в любое время суток люди раздували огонь.

Кеты старались сами не гасить огонь никогда. Покидая место стоянки, кострище оставляли тлеющим, а с собой, в лодке или на нарте, перевозили в берестяном туеске обложенный сырым мхом тлеющий березовый нарост. На ночь в костре оставляли толстое березовое полено.

До начала нашего века огонь у кетов почитался как охранитель и символ единства семьи, сохраняя при этом черты объекта родового почитания. Огонь можно было передать только членам своей семьи и сородичам и никогда — чужеродцам, так как это угрожало благополучию всего рода.⁸

Почитание огня у кетов находит аналогии у многих других сибирских народов. Олицетворение огня в женском образе было характерно также

⁶ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 16.

⁷ Х. Финдейзен. Из поездки к кэто (енисейским остякам) в 1927—1928 гг. Сев. Азия, 1928, № 2, стр. 128.

⁸ И в наши дни сохраняется запрет одалживать спички у неродственников.

для алтайцев, шорцев, хантов, манси, эвенков, нганасанов, нивхов, нанайцев, юкагиров. Многие детали кетского культа огня совпадают с таковыми у южносибирских тюрков.⁹

Покровителями и охранителями семьи, очага у кетов были также так называемые алэлы (*алэл, алал, алул, алаалт, алэл бām; бām* — старуха), изображавшиеся в виде антропоморфных фигурок.¹⁰

Рис. 1. Общераспространенные типы алэлов. МАЭ, колл. № И-1993-146, 142.

Кеты считали их, как и огонь, живыми существами женского пола.¹¹ Им приписывалось вечное существование и непосредственное влияние на судьбы женщин. Алэлы «держали» души живущих женщин и «отпускали» их после смерти (т. е. после того как погибала одна из семи присутствующих каждому человеку душ).

Изготавливали алэлы из кедр.¹² Величина их достигала 25—30 см, но встречались и более мелкие (до 15 см). За небольшим исключением, они были однотипны по внешнему виду (рис. 1). Фигурки отличались непропорционально большой головой с плоским лицом и узким туловищем.

⁹ Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеут. СМАЭ, 1927, VI, стр. 68—71.

¹⁰ В коллекциях МАЭ представлено более десяти экземпляров алэлов (колл. №№ 1048-23, 24; 2355-8, 10, 11; 4034-156; 4919-22, 23, 24, 25), но только четыре из них являются подлинными; остальные, судя по всему, изготовлены по заказу собирателей, что не всегда отмечено в собирательской описи.

¹¹ Термин *алэл* также относится к женскому именному классу (Е. А. Крейнович. Именные классы..., стр. 116).

¹² Заготовку вырубали из крени кедр; само дерево при этом не срубали (иначе, считалось, алэл не был бы живым).

Руки обычно отсутствовали или намечались небольшими выступами, но иногда обозначались вытянутыми вдоль туловища отростками (МАЭ, колл. № 4919-25). Ноги вырезались всегда и, как правило, заканчивались ступней.

Рис. 2. Алэл с медными пластинами на лице. МАЭ, колл. № 1048-24.

На лице вырезали очень длинный нос, рот, в углублениях на месте глаз приклеивали или подвешивали на ровдужных ремешках бусы. У некоторых фигурок (МАЭ, колл. № 2355-10, 11) лоб и нос вырезали в одной выступающей плоскости.¹³ Лицо алэлов закрашивали охрой или другой краской.¹⁴ Характерная особенность изображений домашних покровителей у кетов — обычай прикреплять на лбу, щеках и подбородке (иногда только на лбу и подбородке) тонкие медные пластины (рис. 2), в ряде случаев украшенные точечным орнаментом.¹⁵ У более мелких по размеру алэлов налобная и щечные части вырезались из одного листа меди и представляли собой как бы широкую подковку. В. И. Анучин считал эти пластины остатками маски алэла. Им, например, доставлен в музей алэл с оловянной маской вместо лица (колл. № 1048-23).¹⁶ Значение этих пластин или масок пока остается неясным.

Голову (кроме лица) и туловище (поверх рук) всегда обтягивали и оклеивали мехом (использовалась шкура россомахи, колонка, соболя, белки, медведя). Край меха вокруг лица обычно окаймляли крупные (чаще всего пастовые) бусы.¹⁷

На грудь алэла поверх меховой обтяжки на ровдужном ремешке часто подвешивали круглую медную пластинку (иногда с точечным орнаментом), напоминающую изображение небесных светил в шаманских подвесках. Иногда это оказывалась старинная монета, литая бляха (рис. 3). Подвеска изображала сердце алэла.¹⁸ Подвески эти были почти всегда из меди; исключение допускалось лишь для серебряных монет; никакие железные предметы не могли находиться при алэле.¹⁹

Фигурки иногда одевали в одежду, сшитую по образцу настоящей (распашная меховая и суконная одежда, обувь с головкой из кожи и суконными голенищами), но многие алэлы были только обуты. В связи с этим встает вопрос, не означает ли упомянутая меховая обтяжка перво-

¹³ Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 2, № 562, л. 68.

¹⁴ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 87; см. также собирательскую опись к колл. № 2355-8. — Согласно сведениям, полученным Е. А. Крейновичем у кетов, являющихся по происхождению ассимилированными селькупам, у них были алэлы, выкрашенные в черный цвет.

¹⁵ См. алэл, доставленный в МАЭ В. И. Анучиным (колл. №№ 1048-24).

¹⁶ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 86, 87. — К моменту доставки эта маска уже была изломана.

¹⁷ Там же. — См. также собирательскую опись В. И. Анучина к колл. № 1048-24.

¹⁸ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 86; Г. Д. Вербова. Дневник 1938 г. Архив ИЭ, ф. 2.

¹⁹ Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 2, № 562, л. 44—45.

начальную одежду алэла (на мысль об этом наводят бусы вокруг лица)? Если так, то одежда алэлов не соответствует традиционной распахнутой кетской одежде. Она представляет собой тип глухой одежды с капюшоном. Это интересный, требующий размышления факт, так как известная кетам глухая одежда (сокуй, малица) — позднего заимствованного происхождения и к глухой одежде на алэлах она не могла иметь никакого отношения.

Сверху алэлы были завернуты в лоскуты новой материи, обмотаны низками цветных бус, крупного бисера или специальным широким поясом, расшитым бисером. Низки

Рис. 3. Алэл с литой ажурной бляхой. МАЭ, колл. № И-1993-168.

бисера, а также полые трубчатые медные подвески закрепляли и вокруг шеи фигурки (рис. 4).

Кроме алэлов общераспространенного типа встречались оригинальные экземпляры. В. И. Анучин опубликовал алэл, представляющий собой три собольные шкурки, вложенные одна в другую и обернутые лоскутами. Лицо его заменяла оловянная маска.²⁰ Этот алэл значится у В. И. Анучина в качестве помощника шамана, передававшегося по наследству шаману-преемнику.²¹ Как исключение встречались алэлы из камня, естественные формы которых напоминали человеческую фигуру (рис. 5). Алэлы, как и огонь, считались покровителями и охранителями общего благополучия семьи, но сферой их деятельности был главным

²⁰ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 86.

²¹ СобираТЕЛЬСКАЯ ОПИСЬ К КОЛЛ. № 1048-23.

образом домашний быт, а функции непосредственно связаны с функциями женщин-матерей, хозяек семьи и дома. Считалось, что алэлы облегчают женщине роды, а в дальнейшем помогают растить детей, оберегают их от болезней и злых духов.²² Согласно В. И. Анучину, кеты верили, что алэлы ночью ласкали сонных детей, заплетали им волосы в косички и т. д.²³ Вообще вся деятельность алэлов, по представлениям кетов, проходила

Рис. 4. Алэл, украшенный низками бисера и подвесками.
МАЭ, колл. № И-1993-145.

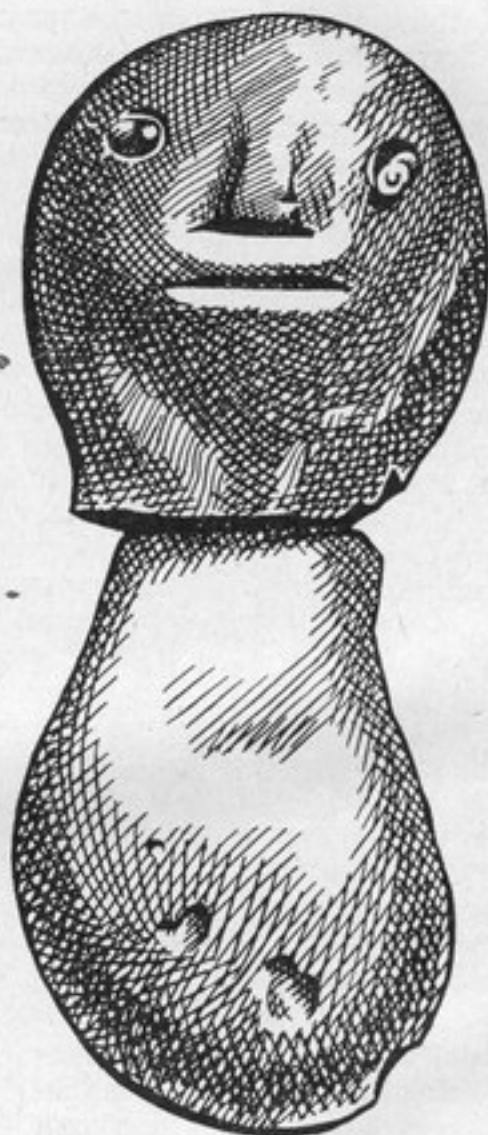

Рис. 5. Алэл из камня.
МАЭ, колл. № И-1993-143.

в долгие зимние ночи.²⁴ Они якобы поддерживали горящим огонь, убрали жилище, готовили пищу, а также выполняли разнообразные домашние работы — шили, пряли, вязали сети, точили крючки и т. д. Алэлам приписывалась способность доброжелательно или недоброжелательно от-

²² В настоящее время алэлы нередко рассматриваются и как покровители на промысле.

²³ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 84.

²⁴ В доказательство «работы» алэлов кеты обычно демонстрируют стертую подошву на обуви фигурок.

носиться к собакам, отдельным вещам и т. д.²⁵ Верили также, что алэлы помогают шаману отыскивать душу заболевшего человека.

Алэлов использовали при гадании: фигурки подбрасывали, и если алэл падал лицом вверх, ответ считали благоприятным.²⁶

Считая алэлов живыми существами, кеты кормили их (особенно в предвидении важных событий — рождения ребенка, переезда на новое место, перед началом промысла) лучшей едой (обязательным было угощение алэла первой рыбой, дичью и т. д.). Ежегодно их обвязывали по-

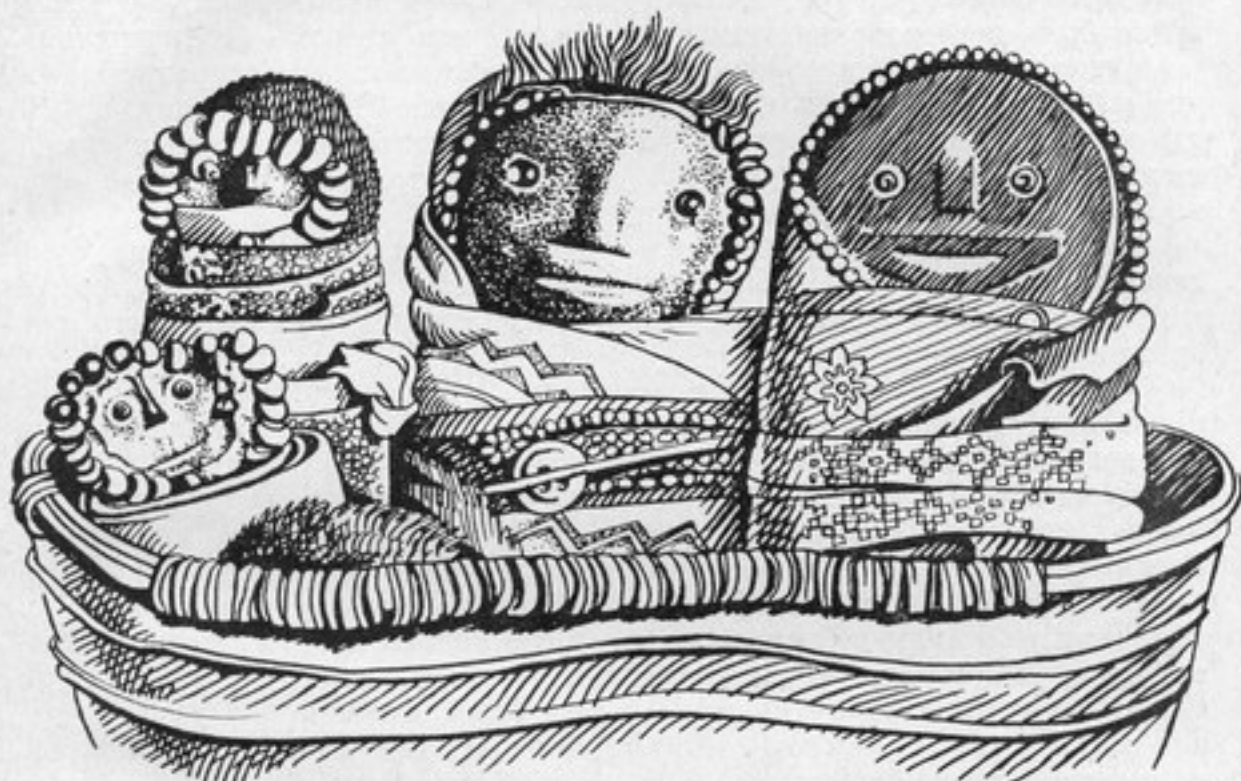

Рис. 6. Туес с алэлами. Принадлежность кета Е. Сутлина, пос. Алинское. МАЭ, колл. № И-1993-216.

вым лоскутом, а раз в двадцать лет им меняли «изношенную» одежду, дарили новые низки бус, бисера, деньги.²⁷ Этот обряд осуществлялся в конце лета и сопровождался камланием шамана и угощением всех присутствующих на стойбище. Существовали определенные правила обращения с алэлами: их держали в «чистой» (против входа за очагом) части жилища в берестяном туесе или деревянной коробке (рис. 6), лицом на восток.²⁸ Сверху туесок или коробку закрывали платком.

Переносили и переодевали их только до полудня; новые лоскуты, низки с бисером, бусами, а также пояса заматывали исключительно в на-

²⁵ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 84.

²⁶ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К описанию некоторых кетских семиотических систем. Уч. зап. Тарт. гос. ун-ва, 1965, вып. 181, стр. 129—132.

²⁷ Лоскуты материи, которыми были обвязаны алэлы, а также нити бус и бисера кеты наделяли способностью помогать при болезнях, особенно больным детям. Нити подвешивали на шею, лоскутами обвязывали больное место, просто держали при себе или клали детям в колыбель.

²⁸ В. И. Анучин доставил в МАЭ алэл, который помещался в деревянном ящичке, изображающем нарты (В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 87). В подобных ящичках-нартах хранили и при перекочевках перевозили другие предметы шаманского культа.

правлении движения солнца, концы их закладывали — завязывать узелком запрещалось. «Кормили» алэлов в лунные вечера. Алэлам давали имена. Все эти действия совершали только женщины.

Наследовались эти предметы по мужской линии (обычно передавались младшему сыну после смерти главы семьи).²⁹ Если в семье оказывались только женщины и они выходили замуж в другой род, покровители передавались мужчинам-родственникам, вплоть до самых отдаленных. Непременным условием при этом были уже не реальные родственные связи, но общее родовое самоназвание. В самом крайнем случае алэлы могли быть переданы женщине, но только очень старой — «безгрешной».

Чужеродцам алэлов обычно не только не отдавали, но старались даже, чтобы они не попадались им на глаза.³⁰ Согласно В. И. Анучину, в чум, где временно жили несколько семей, подселившиеся семьи своих алэлов не вносили. Алэлы могли попасть в чужие руки только в том случае, если не оказывалось наследников-сородичей.

По данным В. И. Анучина, алэл изготовлялся собственноручно человеком, который впервые обзаводился отдельным хозяйством. Им же отмечен шаманский обряд «оживления», т. е. «вселения» алэла в его изображение.³¹

Особые женские семейные покровители, кроме кетов, отмечены у самодийских (ненцев, селькупов), угорских и некоторых тюркоязычных народов. Особенно близок кетский культ алэлов культу эмегендеров («бабушек») у алтайцев.³² Эмегендеры представляли собой тряпичные куклы, набитые паклей, без ног и рук, с бисеринками на месте глаз. Каждая женщина получала их при выходе замуж или перед рождением ребенка. Они считались покровительницами домашнего очага, помощницами при рождении ребенка и его воспитании. Чтобы умиловить эмегендеров, им устраивали угощения как в определенные сроки, так и по отдельным случаям — перед родами, при болезни детей или других членов семьи и т. д. В отличие от кетских алэлов, эмегендеры наследовались по женской линии.

Алэлами кеты нередко называли и многие другие предметы, выступающие в роли фетишей: шкурки белок редкой расцветки и белки-летяги.³³ По сообщению В. И. Анучина, алэлами кеты, кроме того, называли фигурки с головой птицы, своеобразную антропоморфную фигуру («мышинный алалт»).³⁴

В качестве семейных святынь хранили также камни необычной формы (особенно если они были антропоморфного вида), старинные или редкие предметы (например, бронзовые зеркала и т. д.). В них также видели покровителей семьи. Считалось, что утрата такого предмета могла

²⁹ Младший сын являлся наследником общесемейного имущества.

³⁰ В настоящее время в семьях, где есть пожилые женщины, алэлы еще имеются, но указанный запрет по отношению к ним уже не осуществляется. При просьбе алэлов показывают. В доме кета И. М. Тыганова, проживающего в пос. Лебедь, туес с алэлами стоял открыто на полочке в красном углу, где висели иконка и портрет Ю. Гагарина.

³¹ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 85. — Современные кеты относительно этих обрядов ничего не могли сказать. Не приходилось при полевой работе встречать и недавно изготовленные алэлы; все виденные фигурки оказывались очень старыми.

³² Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. В кн.: Памяти В. Г. Богораза. Л., 1937; Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. СМАЭ, 1927, VI.

³³ СобираТЕЛЬСКАЯ Опись к колл. № 1048-19, 20, 21, 22.

³⁴ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 88, 89.

неблагоприятно отразиться не только на членах данной семьи, но и на их родственниках.

В культе домашних покровителей (огонь, алэлы), сохранявшемся до начала XX в. в семейной форме, четко прослеживается родовое начало. Этими представлениями как бы укреплялась и освещалась солидарность сородичей, их связь и взаимозависимость. Следует отметить, что хранителями домашних святынь и исполнителями всех обрядов по отношению к ним были женщины. Этот момент, а также женское олицетворение семейно-родовых святынь находит широкие этнографические и археологические параллели и имеет очень древние корни.³⁵

Приведенные материалы, а также некоторые другие данные (женское олицетворение главных мифологических персонажей — Хоседсем, Томсем, Холай и др., употребление в фольклоре множественной формы слова «мать» — *амац* — в значении «родители») могут рассматриваться как пережитки некогда существовавших у кетов матриархальных отношений. Полную победу патриархального начала в социальной жизни кетского общества означает наследование святынь по мужской линии.

О древности культа семейно-родовых покровителей свидетельствует и его определенная независимость от шаманства. Кормление огня, алэлов, гадание с помощью алэлов, умиловительные обряды по отношению к ним и другие церемонии проводились независимо от шаманских камланий, а исполнителями их были рядовые члены семьи.

Не будучи связаны генетически с шаманством и существуя параллельно с ним, некоторые моменты культа семейных охранителей все же переплелись с шаманскими представлениями. Об этом свидетельствует хотя бы отмеченный обычай оживления шаманом алэла. При лечении больного именно алэлы помогали шаману; шаман требовал сменить одежду алэлов, повязать на больное место лоскут, в который была завернута фигурка, или низку бус. Во время трудных родов приглашенный шаман призывал алэлов помочь, пользовался ими для гадания и т. д.

Необходимо заметить также, что с течением времени расширялись и функции домашних святынь, первоначально связанных исключительно с семейным бытом. Еще в конце 40-х годов Б. О. Долгих получил от кетов информацию, что алэлы лишь охраняют здоровье семьи, а «на охоту не ходят».³⁶ В конце 50-х годов участниками Туруханского отряда были отмечены случаи, когда к покровителям обращались с целью обеспечить не только благополучие и здоровье семьи, но и успех в промысле, хотя семейная направленность их «деятельности» оставалась основной.

Непосредственное влияние на исход промысловой деятельности, по представлениям кетов, могли оказывать умершие родственники. В. И. Анучин ошибался, когда писал, что у кетов «не имеется вещей, с которыми была бы связана память о предках, не делается их изображение...».³⁷ Кроме алэлов, в некоторых кетских семьях хранили изображение родных (*даңол'с*), умерших «не своей смертью», или людей, отличавшихся при жизни особенно хорошим поведением, как говорят кеты, — безгрешностью.³⁸ Это могли быть как предки, так и лица одного и даже

³⁵ С. А. Токарев. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита. СА, 1961, № 2; З. А. Абрамова. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л., 1966.

³⁶ СобираТЕЛЬСКАЯ ОПИСЬ К КОЛЛ. № 4919-24.

³⁷ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 13.

³⁸ По свидетельству елогуйского кета Х. П. Бальдина, изображения таких людей делались еще при их жизни старшим в роде шаманом, а затем уже передавались родственникам (Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 2, № 551).

младшего поколения. Елогуйский кет А. Тыганов, например, и в настоящее время хранит дангольс своего сына, умершего взрослым. Изготавливали их, если часто видели покойного во сне. Считалось, что это является людям душа умершего, которая из-за его праведной жизни не погибла, а вернулась к родным. Как правило, изображения олицетворяли мужчин³⁹ и лишь очень редко — пожилых женщин. В таком случае изобра-

Рис. 7. Общепраспространенный тип дангольса. МАЭ, колл. № И-1975-37.

жения называли *атпэд* (одно из наименований души).⁴⁰ Так же называли одежду ребенка.

Дангольс обычно представлял собой спитую в полном соответствии с настоящей одеждой: рубашку, распашную верхнюю одежду из сукна (*қотлам*), парку (рис. 7). Распашная одежда надевалась поверх нижней (рубашки), полы ее запахивались на правую сторону и завязывались узлом. Иногда одежда надевалась на матерчатый валик или антропоморфную фигуру, но чаще это была только одежда.⁴¹ Непременной принадлежностью была одна или несколько пуговиц у ворота рубашки — их считали лицом дангольса. Сверху дангольс обматывали низкой бус или поясом, как у алэлов.

Дангольсы помещали вместе с алэлами, но в отдельной связке. Все действия по отношению к ним были те же, что и к алэлам; совершали их женщины. Их «кормили» вместе с алэлами. Если данный дангольс изображал умершего мужа, то предназначенную для него пищу съедала вдова. Алэл «помогал» главным образом в домашнем хозяйстве, сферой же деятельности дангольса был промысел. Считалось, что он бежит впереди охотника и обеспечивает ему удачу. Про удачливого человека нередко говорили, что «у него есть дангольс».

Дангольсы, как и алэлы, передавались по мужской линии сородичам. Получить их постороннему человеку было еще труднее, чем алэлов, поэтому они почти не попадали в руки собирателей. Только один из них

³⁹ Термин *дангольс* относится к мужскому именному классу вещей (Е. А. Крейнович. Именные классы..., стр. 115).

⁴⁰ Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 2, № 560, л. 22.

⁴¹ Обычай изображать умершего в виде его одежды, возможно, отражает представление кетов о связи жизненного начала человека с его одеждой. Характерен и запах распашной одежды дангольса на правую сторону, как и в одежде умерших (кеты обычно запахивают полки на левую сторону). Ср. также отмеченное употребление термина «атпэд» в значении «одежда».

был доставлен в МАЭ Н. К. Каргером (колл. № 4034-170а), но затем утерян. Участниками Туруханского отряда были сделаны зарисовки и фотографии дангольсов (МАЭ, колл. №№ И-1876-620, 624, 625; И-1975-37 и др.), а также получено несколько дангольсов, принадлежавших кету Тапкову, долгое время жившему в отрыве от своих соплеменников среди сымских эвенков. После его смерти не оказалось родственников, претендующих на фетиши, поэтому стало возможно их приобрести.

Рис. 8. Кетские дангольсы, полученные от эвенков. Фактория Сым. МАЭ, колл. № 6661-75.

Полученные дангольсы (три штуки) находились в одной связке. Один из них представляет собой антропоморфную фигурку, вырезанную из листовой желтой меди. Руки и ноги прикреплены с помощью медных шпеньков. На фигурке надета рубаша из красного шелка с большой перламутровой пуговицей у ворота, вторая рубаша из светлого шелка, а поверх всего — зеленая суконная распахная одежда с красными нашивками вдоль пол, по подолу, на плечах, вдоль ворота и пройм. Обувь с кожаной головкой и суконными голенищами прикреплена верхним краем к подолу красной рубашки.

На спине дангольса с помощью чересплечных лямок, закрепленных на груди пряжкой в виде полукруга, подвешен ровдужный мешочек, рас-

шитый подшейным оленьим волосом (вилчатый орнамент, изображающий, согласно В. И. Анучину, женские фигуры). В подобные мешочки кеты зашивали пуповину новорожденного мальчика и тщательно хранили их всю жизнь. Возможно, что и в данном случае к дангольсу подвешен мешочек с пуповиной человека, которого он олицетворяет. Общая длина дангольса 20 см (рис. 8в).

Второй дангольс не имеет антропоморфной фигуры. Он состоит из рубахи, сшитой из красной материи, и надетого поверх нее суконного котлама зеленого цвета. Голову дангольса изображает тряпичный валик, на котором сохранились остатки мехового головного убора. Дангольс завернут в лоскут светлой ткани, общая длина его 22 см (рис. 8а).

Третий дангольс представляет собой одну рубашку из светлого шелка (рис. 8б).

Обычай изображения умерших находит аналогии у ряда сибирских народов, в частности у обских угров, самодийскоязычных и некоторых тюркоязычных народов.⁴²

Культ дангольсов у кетов недостаточно выяснен. В нем усматриваются как элементы культа умерших, так и почитание семейно-родовых предков. Можно предполагать, что появление культа дангольсов относится к более позднему периоду, чем отмеченный выше культ огня и алэлов, что в нем отразилось развитие патриархальных отношений в кетском обществе (мужское олицетворение, мужской именной класс самого термина «данол'с», промысловая «сфера деятельности»).

Представления, связанные с домашними покровителями, обычай хранить в семье изображения алэлов и дангольсов частично сохраняются и в наши дни, но ревнителями традиции являются главным образом пожилые женщины. Люди среднего возраста и молодежь чаще всего относятся к этим обычаям формально: не отказываются от фетишей, но и не совершают по отношению к ним никаких действий. Характерно также, что алэлов и дангольсов воспринимают обычно как одно и то же, т. е. как покровителей семьи, не различая их функций и особенностей.⁴³

Живучесть представлений, связанных с домашними покровителями и охранителями, заключается, видимо, в самой их сущности — в их предполагаемой «связи» с непосредственным благополучием отдельных членов семьи, что находит наибольший эмоциональный отклик у людей. Следует принять во внимание и то, что отправление культа домашних покровителей и охранителей сосредоточено в руках женщин, всегда более консервативных в плане сохранения прежних традиций.

⁴² В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. ТИЭ, нов. сер., 1959, т. 51, стр. 148—151; Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, стр. 288; Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков, стр. 137.

⁴³ Вероятно, поэтому изображение, доставленное в МАЭ в 1948 г. Б. О. Долгих (колл. № 4919-23), было названо информантами дангольсом, в то время как оно является типичным алэлом. Кроме того, алэлами в настоящее время нередко называют совсем иные культовые предметы (например, железные изображения помощников шамана — лебедя, гагары, медведя и т. д.).